

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1 (22)

ВЕСНА — ЛЕТО
2015

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае»
из собрания ИВР РАН. Предисловие, транскрипция, перевод
с монгольского языка, примечания *Д.А. Носова* 5

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Л. Хосроев. Еще раз об апофатическом богословии
гностиков (материалы и комментарий) 12

Л.В. Горяева. Две рукописи «Повести о раджах Пасея»
(к истории текста) 37

И.С. Гуревич. О двух буддийских текстах как источниках
китайского разговорного языка III–IX вв. 47

К.Г. Маранджян. Конфуцианский трактат Накаэ Тодзю
«Беседы со старцем» как достоверный исторический источник,
или Были ли неграмотными самураи в начале XVII в.? 57

З.А. Юсупова. К истории изучения лурских диалектов 67

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

М.М. Юнусов. Из истории дешифровки западносемитского
письма: события и люди. III. Пальмирские тексты в Европе:
С. Пети и Н.-К. де Пейреск 75

Ю.А. Иоаннесян. Троичная духовная природа человека
в учении шейхитов 98

А.И. Колесников. Топография христианских епархий
Восточного Ирана и Хорасана при Сасанидах (III–VII вв.) 118

В.М. Рыбаков. «Незаконное присвоение» в уголовных
законах китайской династии Тан 128

С.Л. Бурмистров. Даттатрея и его место в индуистской
мифологии 141

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Е.П. Островская.* Вклад Н.Д. Миронова в изучение буддийской коллекции собрания индийских рукописей Азиатского музея — ИВР РАН 153
- С.И. Марахонова.* Российский японист С.Г. Елисеев в Гарварде в 1932–1957 гг. (на англ. яз.) 169

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Т.А. Пан.* 57-я ежегодная встреча Постоянной международной алтаистической конференции (Владивосток, 9–14 сентября 2014 г.) 177
- С.Л. Бурмистров.* 31-я конференция по философской компаративистике «Философская компаративистика и компаративная философия образования». Центр философской компаративистики Института философии СПбГУ (Санкт-Петербург, 21 ноября 2014 г.) 181
- Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.* Восьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга (Санкт-Петербург, 24–25 ноября 2014 г.) 184
- М.М. Юнусов.* Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова (Санкт-Петербург, 13–15 января 2015 г.) 189
- С.Х. Шомахмадов.* X Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, 11 февраля 2015 г.) 200
- Ю.А. Иоаннесян.* Иранистическая конференция «Философия, религия, история и культура Ирана» (Санкт-Петербург, 18 февраля 2015 г.) 204

РЕЦЕНЗИИ

- Kritzer Robert.* Garbhāvakrāntisūtra: The Sūtra on Entry into the Womb. — Tokio: The International Institute for Buddhist Studies of The International College for Postgraduate Buddhist Studies, 2014 (Studia Philologica Buddhica, Monograph Series XXXI). — 438 pp. (*В.П. Иванов*) 208
- Боркин Л.Я.* Извара, Н.К. Рерих, Гималаи. — СПб.: Издательство «Европейский дом», 2014. — 256 с., 270 илл. (*Т.В. Ермакова*) 211
- Васильков Я.В.* Миф, ритуал и история в «Махабхарате». — СПб.: Издательство «Европейский дом», 2010. — 397 с. (*Е.В. Танонова*) 213
- Руденко М.Б.* Очерки средневековой курдской литературы. Подготовка рукописи к изданию, предисловие, примечания, указатели Ж.С. Мусаэлян; Приложение: *Руденко М.Б.* Материалы и наброски для лекции «Курды: Быт, нравы, обычаи и культура». — СПб.: Контраст, 2014 (Азиатика). — 280 с. (*З.А. Юсупова*) 216

IN MEMORIAM

- Владимир Аронович Якобсон (1930–2015) (*Н.О. Чехович*) 219
- Валерий Вячеславович Полосин (1939–2014) (*С.М. Якерсон*) 221

На четвертой стороне обложки:
Миниатюра из альбома
“Hindoo mythology”, vol. I,
шифр Ms.Ind.IV, 19, из
коллекции ИВР РАН

Над номером работали:

Т.А. Анিকেева
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
Р.И. Котова
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

Е.П. Островская

Вклад Н.Д. Миронова в изучение буддийской коллекции собрания индийских рукописей Азиатского музея — ИВР РАН¹

В истории Индийского фонда Азиатского музея — ИВР РАН два первых десятилетия XX в. неразрывно связаны с именем Николая Дмитриевича Миронова (1880–1936), занимавшегося в то время исследованием этого многоязыкового и разнописьменного собрания. В статье рассматриваются подходы ученого к проблеме описания индийских манускриптов и итоги проделанной им работы. Показано, что санскритские рукописные памятники буддизма, отложившиеся в Индийском фонде до 1913 г., были впервые систематизированы Н.Д. Мироновым как единая коллекция, экспонирующая важнейшие жанры литературы Махаяны — гимнографию, сутры (гомилетические тексты), шастры (трактаты), а также различные списки терминологического словаря «Махавьютпатти».

Ключевые слова: Азиатский музей, буддийская коллекция Индийского фонда ИВР РАН, Н.Д. Миронов, рукописи, санскритские рукописные памятники буддизма.

На заре XX в. Азиатский музей Российской Императорской Академии наук стал главным очагом международного информирования о достижениях отечественного востоковедения в области коллекционирования рукописей, старопечатных изданий и книг, выпускавшихся в странах Азии и Арабского Востока. Собрания музея непрерывно пополнялись, и на передний план научно-исследовательской работы закономерно выдвигалась задача полномасштабного описания коллекций с учетом значительно обновившихся к тому времени востоковедных знаний.

Благодаря усилиям директора музея акад. К.Г. Залемана (1849–1916), ученого-ираниста с мировым именем, была учреждена научно-издательская серия «Каталоги Азиатского музея Императорской Академии наук». Однако составление каталогов могло осуществиться лишь при наличии компетентных научных кадров, а штатное расписание предусматривало только одну должность ученого хранителя². В таких неблагоприятных условиях К.Г. Залеман был вынужден привлекать к решению поставленной задачи высокомотивированных исследователей, готовых трудиться на внештатной основе³.

Для изучения индийского собрания, содержащего манускрипты из Южной и Юго-Восточной Азии, требовался разносторонне эрудированный специалист. Министер-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Буддийское историко-документальное наследие Южной и Юго-Восточной Азии в Индийском фонде Института восточных рукописей РАН: состав и история коллекционирования». Проект № 13-01-00167.

² В 1898 г. К.Г. Залеман выступил с проектом расширения штата Азиатского музея, но в то время его предложение было отклонено. См.: Бертельс, 1972, с. 26.

³ Например, выдающийся ученый-иранист Ф.А. Розенберг (1867–1934) с 1902 по 1912 г. работал в Азиатском музее в статусе внештатного сотрудника. См.: Бертельс, 1972, с. 27.

ство народного просвещения, в ведении которого находилась Академия наук, учло нужды Азиатского музея: в 1903 г. в распоряжение К.Г. Залемана был откомандирован молодой ученый-индианист Николай Дмитриевич Мионов (1880–1936), возвратившийся в Россию после окончания Страсбургского университета кайзера Вильгельма⁴. На положении внештатного сотрудника он приступил к составлению каталога многоязычного и разнописьменного индийского собрания и продолжал заниматься этой сложнейшей работой вплоть до 1917 г.

Необходимо сказать, что в литературе по истории отечественного востоковедения имеется лишь один краткий обзор научной деятельности Н.Д. Мионова (см.: Вигасин, 2008, с. 499–503)⁵. В советский период имя ученого упоминалось редко, так как Н.Д. Мионов в годы Гражданской войны эмигрировал. В российской науке до последних лет XX в. об эмигрантском периоде его жизни и работы в востоковедении были известны лишь отрывочные сведения⁶. Вклад Н.Д. Мионова в изучение индийского собрания Азиатского музея и, в частности, в описание буддийской коллекции этого фонда до сих пор не подвергался рассмотрению. В настоящей статье мы попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

Н.Д. Мионов был наилучшим образом подготовлен к решению поставленной перед ним задачи. В Страсбургском университете он обучался под руководством исключительно эрудированного германского востоковеда Э. Леймана⁷ (1851–1931), передавшего своему ученику обширные познания в области санскрита, праkritов (среднеиндийских языков) и тибетского языка. Э. Лейман привил Н.Д. Мионову прочный интерес к буддизму и памятникам индийской письменности из Центральной Азии⁸, навыки палеографических исследований. Однако более всего в студенческие годы Н.Д. Мионова увлекало религиозно-философское учение джайнизма⁹. В качестве выпускного научно-квалификационного сочинения он представил диссертацию, посвященную трактату джайнского мыслителя Амигагати «Дхармапарикша». За это исследование Н.Д. Мионову была присвоена ученая степень доктора философии.

⁴ Матрикул этого учебного заведения отложился в персональном фонде Н.Д. Мионова, хранящемся в АВ ИВР РАН (Ф. 40. Оп. 3. Ед.хр. 4).

⁵ Обзор содержится в подробно документированном очерке «Эмигранты: Н.Д. Мионов и А.А. Сталь-Гольштейн» (Вигасин, 2008, с. 499–506).

⁶ Так, в редакционном предисловии Г.А. Зографа (1928–1993) к «Краткому каталогу индийских рукописей Института востоковедения РАН», выпущенному в 1999 г., отмечалось: «...по-видимому, в ходе Гражданской войны Н.Д. Мионов оказался в Маньчжурии, где продолжал востоковедные занятия, о чем свидетельствуют его статьи, опубликованные в журнале Северокитайского отделения Королевского Азиатского общества (1924) и в “Rocznik Orientalistyczny” (1928), на чем следы его мы теряем» (Кк, с. 4).

⁷ Э. Лейман возглавлял в Страсбургском университете кафедру санскритологии с 1911 по 1918 г., до передачи г. Страсбурга Франции по итогам Первой мировой войны.

⁸ В 1818 г. экспедиция под руководством Д.А. Клеменца (1848–1914) открыла на территории Восточного Туркестана реликты цивилизации I тыс. н.э. О рукописных находках и артефактах, обнаруженных русскими исследователями, было доложено на XII Международном конгрессе востоковедов, проходившем в октябре 1899 г. в Риме, и эта научная сенсация активизировала интерес исследователей к письменным памятникам «северного буддизма» — традиции, функционировавшей в древней и раннесредневековой Индии на санскрите и северо-западных праkritах.

⁹ Джайнизм — одна из национальных религий Индии: в отличие от индуизма, относится к разряду неортодоксальных учений, отрицавших авторитетность Священного ведийского канона; в своих истоках восходит к VI в. до н.э.; санскритское название — «джайна-дхарма». Джайнизм отверг сословно-кастовое деление общества, претензии ведийского жречества на господствующее положение и оспорил религиозную значимость жертвоприношений, выдвигая на передний план идею ненасилия и монашеский образ жизни как залог праведности. В индианистике XIX в. обширная джайнская литература была очень слабо изучена.

Будучи прикомандированным к Азиатскому музею, молодой специалист не ограничивался порученной ему работой и стремился сблизить свою собственную научно-исследовательскую деятельность с проблематикой, выдвигавшейся на передовую линию изучения ведущими отечественными индианистами — акад. С.Ф. Ольденбургом (1869–1934), организатором академической научно-издательской серии “*Bibliotheca Buddhica*”¹⁰, и Ф.И. Щербатским (1866–1942), первооткрывателем буддийской науки логики¹¹. Оба они указывали на первостепенную значимость исследования санскритских письменных памятников¹², сыгравших решающую роль в историческом формировании буддийской культуры Центральной Азии и Дальнего Востока. Кроме того, С.Ф. Ольденбург координировал деятельность русских научных экспедиций, изучавших в оазисах Восточного Туркестана археологические артефакты, и проводил палеографические исследования рукописных находок. К этому аспекту работы подключился и Н.Д. Мионов — в 1909 г. в «Известиях Императорской Академии наук» была опубликована его статья «Из рукописных материалов экспедиции М.М. Березовского в Кучу» (Мионов, 1909).

В 1910–1911 гг. он занимался изданием буддийского терминологического словаря «Махавьютпатти» в серии “*Bibliotheca Buddhica*”. В этом словаре, составленном по предметно-тематическому принципу, была суммирована терминология, демонстрирующая те специальные лексико-семантические средства, которыми оперировали буддийские школы раннесредневековой Индии. В ходе распространения буддизма за пределы Индостана «Махавьютпатти» был переведен на китайский, тибетский и монгольский языки. Это в значительной степени способствовало развитию национальных форм буддийского религиозно-философского дискурса в Дальневосточном и Центрально-Азиатском историко-культурных регионах.

Подготовкой к изданию «Махавьютпатти» по рукописям из индийского собрания Азиатского музея занимался в свое время основоположник отечественной индологической школы И.П. Минаев (1840–1890), учитель С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского. Текст памятника вошел в состав его труда «Буддизм. Исследования и материалы» (Минаев, 1887). Для издания в серии “*Bibliotheca Buddhica*” Н.Д. Мионов заново исследовал имеющиеся рукописи и составил указатель¹³.

С именем И.П. Минаева была связана и другая научно-исследовательская работа Н.Д. Мионова как специалиста в области изучения индийских рукописных памятников. В 1909 г. по предложению Д.Ф. Кобеко, директора Императорской Публичной библиотеки (ныне — Российская национальная библиотека, РНБ), он приступил к составлению каталога манускриптов из коллекции И.П. Минаева и иных южноазиатских рукописей, отложившихся в древлехранилище данного учреждения.

¹⁰ Серия “*Bibliotheca Buddhica*” была учреждена в 1897 г. для публикации оригинальных и переводных буддийских текстов на санскрите и языках Центральной Азии, а также буддологических исследований и переводов письменных памятников на европейские языки.

¹¹ Ф.И. Щербатской, первым приступив к изучению буддийских трактатов по науке логики, показал в своих трудах 1900-х годов ее исходные связи с теорией познания и тем самым выявил типологическое отличие этой мыслительной традиции от формальной логики, разработанной Аристотелем. В 1918 г. Ф.И. Щербатской был избран академиком РАН.

¹² В западноевропейской буддологии последней четверти XIX в. приоритетным объектом изучения считалась каноническая литература южной ветви буддизма Индии — традиции, функционировавшей на языке пали и распространившейся в Юго-Восточную Азию.

¹³ А.А. Вигасин цитирует высокую оценку этого издания (“*Bibliotheca Buddhica*”. XIII), данную Э. Лейманом в письме Н.Д. Мионову от 12.05.1912: «Чрезвычайно ценная книга, работа выполнена с редкой аккуратностью. Я часто пользуюсь ею и ни разу не заметил никакой оплошности» (Вигасин, 2008, с. 501). Автограф письма хранится в АВ ИВР РАН, в персональном фонде Н.Д. Мионова (Ф. 40. Оп. 2. Ед.хр. 7).

По-видимому, Н.Д. Мионов жаждал разносторонней самореализации в науке — он продолжал изучать письменное наследие джайнизма и сотрудничал в издании Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона как автор научно-справочных статей по индологической проблематике (подробнее см.: Вигасин, 2008, с. 501–502). В 1912 г. ученый подготовил первый выпуск каталога индийского собрания Азиатского музея. В него были включены в основном описания санскритских и палийских манускриптов, которые считались наиболее ценной частью имеющегося фонда.

В том же году произошло важное научно-организационное событие — государь утвердил законопроект о новых штатах учреждений Академии наук. Азиатский музей, пользовавшийся все более широким международным признанием ценности своих коллекций, наконец получил право увеличить число ученых хранителей на две штатные единицы. Для замещения этих новых вакансий были избраны иранист Ф.А. Розенберг, имевший за плечами 10 лет внештатной хранительской работы и серьезный опыт поддержания международных связей музея¹⁴, и китаист В.М. Алексеев (1881–1951), возвратившийся из научной командировки в южные районы Китая и уже приступивший к комплектованию музейной синологической библиотеки¹⁵.

А Н.Д. Мионов был оставлен в прежнем статусе прикомандированного сотрудника¹⁶. Публикация первого выпуска его труда в серии «Каталоги Азиатского музея Императорской Академии наук», запланированная на 1912 г., состоялась лишь два года спустя (Мионов, 1914). Работа над вторым выпуском, который посвящался манускриптам на новоиндийских (индоарийских и дравидских) и индокитайских языках, а также санскритским рукописям, не учтенным в первом выпуске, продвигалась медленно и не была завершена¹⁷. Аналогичным образом обстояло дело и с составлением каталога индийских рукописей Публичной библиотеки — и в этом случае Н.Д. Мионов ограничился подготовкой первого выпуска. При содействии С.Ф. Ольденбурга издание было опубликовано на базе Академии наук (Мионов, 1918). Гражданская война, начавшаяся в 1918 г., вскоре приняла масштабный и ожесточенный характер. Н.Д. Мионов, пребывавший в недолгий период функционирования Временного правительства на руководящих должностях в контрразведывательных органах Министерства юстиции и штаба Петроградского военного округа (подробнее см.: Зданович, 2004, с. 88–90), небезосновательно опасался преследований со стороны ВЧК и бежал из Петрограда в Иркутск¹⁸.

¹⁴ Ф.А. Розенберг вел официальную переписку с зарубежными древлехранилищами, библиотеками и крупнейшими учеными-востоковедами. В его архиве, хранящемся в СПбФ АРАН (Ф. 850), имеется более 50 писем от иностранных корреспондентов.

¹⁵ О вкладе В.М. Алексеева (1881–1951) в формирование этой ценнейшей книжной коллекции см.: Ольденбург, 2012, с. 328–332. В 1918 г. он был избран на должность старшего ученого хранителя Азиатского музея, а в 1929 г. удостоился звания академика АН СССР.

¹⁶ В письме К.Г. Залеману от 09.09.1913 г. Н.Д. Мионов с горечью сетовал на такое положение, вызвавшее в нем чувство неудовлетворенности. Автограф письма хранится в СПбФ АРАН (Ф. 87. Оп. 3. Ед.хр. 259. Л. 2).

¹⁷ В связи с подготовкой второго выпуска каталога индийского собрания Азиатского музея Г.А. Зограф привел следующие сведения: «...Н.Д. Мионов успел дать лишь первичное определение двух десятков рукописей неварского, сингальского, бирманского, хмерского и тайского письма, о чем свидетельствуют сохранившиеся в Рукописном отделе С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ныне Отдел рукописей и документов ИВР РАН. — *Е.О.*) пять правленных корректурных листов...» (Кк, с. 4).

¹⁸ В период пребывания в Иркутске Н.Д. Мионов занимался преподавательской деятельностью. В новоучрежденном Иркутском университете он в статусе экстраординарного профессора читал лекции по кафедре сравнительного языкознания и санскритологии, а с 1920 г. заведовал кабинетом востоковедения. В Архиве ИГУ сохранилось личное дело Н.Д. Мионова (Ф. 71. Оп. 3. Д. 93).

А в начале 1920-х годов, когда советская власть установилась в Сибири, ученый предпочел эмигрировать¹⁹.

Характеризуя результаты работы Н.Д. Миронова по составлению каталога индийского собрания Азиатского музея, приходится отметить, что ввиду незавершенности данной работы осталась невыполненной задача создания справочного аппарата²⁰. Недоумение возникает и по поводу отсутствия в первом выпуске оглавления, крайне необходимого, поскольку издание состоит из 13 разделов и некоторые из них имеют внутреннюю рубрикацию. Библиографические ссылки, встречающиеся в целом ряде описаний, оформлены таким образом, что оказываются понятными лишь узкому кругу специалистов, способных обойтись без их расшифровки.

Н.Д. Миронов не считал желательным предпослать каталогу вводную статью, разъясняющую принципы систематизации материала и авторский подход к проблеме описания манускриптов и аннотирования содержащихся в них текстов. В связи с этим следует сказать, что способ распределения материала по разделам, избранный Н.Д. Мироновым, отражает те представления о структуре письменного наследия древней и средневековой Индии, которые оформились в науке на протяжении XIX в. Подобный подход в составлении каталогов индийских манускриптов был типичен для мировой практики того времени.

В каталоге суммированы описания и аннотации 466 наименований рукописных памятников. 11 разделов издания, начиная с первого, пронумерованы римскими цифрами и имеют заглавия. За ними следуют еще два, озаглавленные, но не пронумерованные.

Раздел I, именуемый “Veda” (№ 1–18), включает описания рукописей, содержащих отрывки из самхит²¹ и полные или фрагментированные тексты упанишад²².

Раздел II, озаглавленный “Itihāsa, Purāṇa” (№ 19–106), имеет разветвленную внутреннюю рубрикацию. Под рубрикой “Itihāsa” (№ 19–24) даны описания рукописей, содержащих отдельные части древнеиндийских эпических произведений — «Рамаяны» и «Махабхараты». Наименование рубрики становится понятным, если учитывать, что первоначально в истории культуры Индии термином «итихаса» (букв. «именно так и было») обозначались тексты нарративного жанра, противоположаемого ведий-

¹⁹ До 1926 г. ученый проживал в Китае, а последнее десятилетие его жизни прошло в Тунисе, в г. Ариан. Труды, созданные Н.Д. Мироновым в эмигрантский период его научной деятельности, публиковались в авторитетных востоковедных изданиях.

²⁰ Справочный аппарат к каталогу ученый намеревался включить во второй выпуск, о чем сообщал в сверхкраткой вводной заметке, размещенной на непрономерованной странице, непосредственно следующей за титульным листом. Во второй половине 1970-х годов, когда возобновилась работа по составлению алфавитной картотеки к каталогу Н.Д. Миронова, было признано целесообразным ограничиться на первых порах публикацией списка рукописей, снабдив его указателями сведений об авторах текстов и переписчиках, языках и диалектах, владельцах коллекций, а также конкордансом шифров и номеров описаний. Таким путем был подготовлен упоминавшийся выше «Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН». Наряду с редакторским предисловием Г.А. Зографа в этом издании была воспроизведена статья В.С. Воробьева-Десятовского (1927–1956) «Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР» (см.: Кк, с. 7–20), опубликованная впервые в 1954 г.

²¹ *Самхиты* — собрания текстов (гимнов, жертвенных формул, заклинаний), входящих в состав Священного ведийского канона; представляют самую древнюю его часть, пользовавшуюся наибольшим авторитетом. Каждая из четырех вед, образующих этот канонический свод, формально включает в себя наряду с самхитами все отнесенные к ней жреческие комментарии (*брахманы*), тексты о религиозном смысле обрядности и правилах аскетического отшельничества (*араньяки*), философские произведения (стихотворные и прозаические *упанишады*), создававшиеся на протяжении VII–VI вв. до н.э.

²² Наряду с каноническими упанишадами в этот раздел Н.Д. Миронов включил и рукописи, содержащие те поздние произведения религиозно-философской школы *веданта*, в названия которых входит термин «упанишада».

ской сакральной поэзии. Манускрипты, размещенные под рубрикой “Purāṇa”, распределены в соответствии с индийской традиционной классификацией литературы пуран²³.

В разделе III, “Tantra” (№ 107–139), даются описания индуистских рукописей тантрической традиции²⁴, содержащих руководства по отправлению ритуала, полные и фрагментированные тексты отдельных тантр, теоретические трактаты, разъясняющие основы и цели религиозной практики, смысл магических формул (*мантр*) и их графических изображений, отрывки неатрибутированных текстов. Сюда же Н.Д. Мионов поместил манускрипт таблицы для гадания (№ 139).

Раздел IV, “Kāvya” (№ 140–203), посвящен описаниям манускриптов, содержащих поэтические сочинения на санскрите и трактаты по отдельным вопросам поэтики.

Раздел V, “Vyākaraṇa” (№ 204–244), характеризует рукописи трактатов по грамматике санскрита, полнообъемных и в отрывках, а также словаря «Амаракoша».

Раздел VI, озаглавленный “Darśana” (№ 245–289), включает описания рукописей философских произведений брахманистского направления²⁵. К этому же разделу Н.Д. Мионов причислил манускрипты теоретических руководств по практике йоги.

Раздел VII, “Jyotiṣa” (№ 290–332), судя по его заголовку, должен объединять в своем составе описания рукописей, содержащих произведения по астрономии и астрологии. Но наряду с ними в него вошли манускрипты календарей и гадательных таблиц.

Раздел VIII, именуемый “Dharma” (№ 333–360), выглядит по составу еще более пестрым, чем предыдущий. В нем описываются манускрипты брахманистских сочинений о религиозно-нравственной дисциплине различных социально-профессиональных групп (*джати*), юридические трактаты, своды законов, компиляции правовых кодексов, руководства по интерпретации религиозного предания, по проведению обрядов домашнего очага, устройству колодцев и водоемов, регламенты ритуалов поминовения умерших. Объединение столь разнородных по своему содержанию рукописных памятников в одном разделе каталога, по-видимому, проистекало из интерпретации термина «дхарма» как «праведность».

Раздел IX, “Stotra” (№ 361–412), охватывает коллекцию индуистской гимнографии. Однако к ней оказываются отнесенными и некоторые манускрипты, содержащие руководства по отправлению религиозного культа, например № 366 — текст, атрибутированный Н.Д. Мионовым как «руководство по культу Rāma, отчасти тантрического характера» (Мионов, 1914, с. 292). Сюда же помещены описания отдельных рукопи-

²³ Пураны — класс священных индуистских текстов мифологического, космологического и генеалогического содержания, оформившихся письменно в основном в I тыс. н.э. Ядро пуранической литературы составляют 18 произведений — «больших» пуран. Известно также несколько десятков «малых» пуранических текстов — *упануран*. Обязательными тематическими их рубриками традиционно считаются космогония, эсхатология и новый цикл творения Вселенной, генеалогия божеств и ведийских мудрецов-провидцев (*риши*), периоды появления мифических законодателей (Ману), родословные царских династий. Наполнение этих рубрик варьируется от нескольких строк до относительно обширных нарративов в разных произведениях. Наряду с этим в пуранах аккумулирован значительный материал, характеризующий культуру Индии, отрасли традиционного знания, ритуально-культурные практики индуизма.

²⁴ Тантрическая традиция развилась в индуизме на основе ведийской праксеологии как интерпретация ритуально-культурных и магических практик в качестве особого пути к высшей цели религиозной жизни — освобождению от круговорота рождений; является формой признания женского божественного начала (*шакти*) как источника энергии освобождения; относится к шиваитской ветви индуизма. Тантры, будучи отдельным классом индуистской литературы, представляют собой диалоговые тексты (беседы божеств).

²⁵ Брахманистское направление в истории индийской религиозно-философской мысли зародилось в послеведийский период на основе жреческих комментариев (*брахман*) к *самхитам* и канонических *упанишад*. Брахманистские системы умозрения (*даршаны*) представлены в текстах школ *санкхья*, *йога*, *миманса*, *вайшешика*, *ньяя*, *веданта*.

сей, содержащих фрагменты неатрибутированных текстов. Например, под № 411 числится отрывок «трактата о каком-то vṛataḡāja, связанном с культом Viṣṇu и Soma, имеющем целью достижение потомства. Излагается в форме рассказа Vaiśam-rāyana о похождениях Yudhiṣṭhira во время изгнания» (Там же, с. 319).

Раздел X, “Jaina” (№ 419), включает описание манускрипта, содержащего джайнскую редакцию стихотворной повести о красавице Падмавати — “Citrāsenapadmāvatīśaritra”, в которую инкорпорированы религиозно-нравственные афоризмы-наставления.

Раздел XI, озаглавленный “Bauddha” (№ 414–430), аккумулирует описания рукописей буддийских произведений на санскрите.

Далее следуют непронумерованные разделы: “Pāli” (№ 431–455), включающий описание разнообразных по тематике палийских рукописных памятников, и “Bhāṣā” (№ 456–466), посвященный рукописям сочинений на языках хинди и хиндустани.

Н.Д. Миронов пытался по возможности распределить материал внутри ряда разделов по хронологическому принципу. В данном аспекте его труд явился серьезным вкладом в развитие отечественного индологического источниковедения.

Что же касается описаний рукописей, то приходится признать их очень слабо унифицированными. Как правило, ученый указывает формат манускрипта и количество листов, систему письма, наличие лакун. Часто даются сведения о почерке переписчика. Например, о манускрипте, содержащем поэтическую антологию «Наваратна» (№ 169), сообщается: «Devanāgarī. Красивый почерк, довольно неправильно» (Там же, с. 147).

Сведения о материальном носителе текста (разновидностях писчих материалов, способах комплектации манускриптов, наличии или отсутствии переплета, степени сохранности и т.д.) обнаруживаются в каталоге редко. В некоторых описаниях Н.Д. Миронов говорит о происхождении рукописи и источнике ее поступления в Азиатский музей, но такие сведения встречаются в каталоге лишь иногда.

Оценивая этот аспект труда Н.Д. Миронова, необходимо учитывать, что вплоть до настоящего времени ни в отечественной, ни в мировой науке еще не разработан единый нормативный образец описания восточных манускриптов. Вопрос о том, какие именно сведения о рукописи следует считать необходимыми и достаточными, до сих пор остается дискуссионным и еще не обрел методологически обоснованного решения.

В аннотации к каждому манускрипту Н.Д. Миронов процитировал начальные строки текста, причем не ограничиваясь *мангалой*²⁶, и завершающие, выделяя отдельно колофон рукописи. Цитаты приводятся им в графике деванагари, хотя ряд рукописных памятников, указанных в каталоге, выполнен бенгальским и другими видами письма. Это объясняется в первую очередь уровнем развития типографского дела того времени. Шрифт деванагари имелся во многих типографиях Европы, где печатались востоковедные труды, в том числе в России. А для воспроизведения иных

²⁶ *Мангала* — вступительный структурный элемент текста, содержащий формулу почитания какого-либо божества в индуистской традиции, а в буддийской — приветствия, адресованного Шакьямуни или иным буддам, а также бодхисаттвам, учителям и наставникам; в строфе-*мангале* часто указываются цели создания текста. О том, что *мангала* являлась и разновидностью религиозной практики, к которой прибегал составитель текста, начиная свой труд, и которая возобновлялась всякий раз лицами, приступавшими к изучению текста, свидетельствует рукопись трактата раннесредневекового автора Варахарьи «Мангалавада» («Теория мангалы»), значащаяся в каталоге Н.Д. Миронова под № 251 (Миронов, 1914, с. 203–204). В «Кратком каталоге индийских рукописей Института востоковедения РАН» этот манускрипт числится под № 386 (Кк, 1999, с. 85). О *мангале* также см.: Аннамбхатта, 1989, с. 32–36.

видов индийского письма использовался литографический способ, предполагавший участие каллиграфа-переписчика. В изданиях каталогов санскритских рукописей этот способ обычно не применялся.

Наряду с обильным цитированием рукописных памятников Н.Д. Миронов в разделах “Stotra” и “Bauddha” привел некоторые малообъемные произведения полностью, тем самым выступая в роли их первого публикатора. В России того времени преподавание санскрита и санскритской словесности велось не только в университетах Санкт-Петербурга, Москвы и Дерпта (совр. г. Тарту, Эстония), но и в Киеве, Одессе, Харькове. Составленный Н.Д. Мироновым каталог позволял студенческой молодежи ознакомиться с различными жанрами санскритской литературы. Являясь крупным вкладом в исследование собрания индийских рукописей Азиатского музея, этот труд одновременно служил ценнейшим пособием для ознакомления с жанрами письменного наследия Индии.

Что касается рукописных памятников буддизма, отложившихся в индийском собрании, то ученый распределил их описания в двух разделах каталога — “Bauddha” и “Pāli”. Первый из них вызывает особый интерес, так как в нем санскритские буддийские манускрипты, поступившие в Азиатский музей до 1913 г., впервые представлены в качестве единой коллекции рукописных памятников Махаяны («Большой колесницы»). Ее состав Н.Д. Миронов упорядочил по принципу жанровой принадлежности: гимны, *сутры* (тексты гомилетического жанра), *шастры* (философские трактаты), различные списки словаря «Махавьюпатти». Внутри каждой из этих групп ученый упорядочил материал в соответствии с санскритским алфавитом.

Раздел открывается описанием трех манускриптов, поступивших из Библиотеки Азиатского департамента царского внешнеполитического ведомства. Аннотации к ним снабжены ссылкой на соответствующее справочное издание, опубликованное в Санкт-Петербурге в 1843 г., — «Каталог книг, рукописям и картам и пр. Азиатского департамента». Все они являются санскритско-тибетскими билингвами, происходящими из Непала. Формат их листов одинаков (39×8), аналогичен и порядок записи: сначала идет санскритский текст, выполненный письмом ланджа²⁷, затем он же дается тибетским письмом, ниже следует полный перевод произведения на тибетский язык.

Манускрипт, значащийся под № 414, содержит стихотворный текст, озаглавленный “Navaślaukika-prajñāpāramitā-pindārtha”. Н.Д. Миронов атрибутировал его как «гимн в честь краткой редакции “Prajñāpāramitā”» (Там же, с. 323). В связи с этим определением необходимо пояснить, что в годы деятельности ученого в Азиатском музее санскритская ветвь письменного наследия буддизма и, в частности, тексты праджняпарамитского цикла²⁸ только начинали исследоваться и основной их массив

²⁷ Письмо ланджа получило широкое распространение в Непале; в Индии этим письмом активно пользовались последователи буддизма Ваджраяны («Алмазной колесницы»), базовыми текстами которой выступают тантры, содержащие учения о тайных ритуалах и мистических практиках достижения просветления. Наиболее достоверные свидетельства позволяют предполагать, что Ваджраяна интенсивно развивалась в последней четверти I тыс. н.э. Многие известные рукописи тантр выполнены письмом ланджа. Эта разновидность письма применялась и тибетскими буддистами, проживавшими издавна на территории Непала. Особенно широко монограммы, выполненные письмом ланджа, использовались в надписях, орнаментировавших культовые сооружения и буддийские религиозные стяги в Тибете, Монголии и Восточной Сибири.

²⁸ Праджняпарамитский цикл объединяет в своем составе тексты о «совершенстве мудрости», большая часть которых датируется I–II вв.; в духе типичной для философского дискурса Махаяны негативной диалектики сутры Праджняпарамиты интерпретируют «путь бодхисаттвы» — совокупность практик, направленных на преодоление субъектно-объектного мышления и погружение в созерцательное состояние «беззнакового знания», исключающего любые суждения и теоретические построения.

еще не был введен в научный оборот. Учитывая такое положение дел, Н.Д. Миронов полностью воспроизвел данное произведение в своем каталоге шрифтом деванагари.

Изучением праджняпарамитских текстов, и это следует особо подчеркнуть, впервые начали заниматься ученые отечественной, Санкт-Петербургской, буддологической школы — акад. Ф.И. Щербатской и его ученик Е.Е. Обермиллер (1901–1935). В конце 1920-х годов они подготовили научное издание и комментированный перевод «Абхисамаяаланкара-праджняпарамита-упадешашастры» (Abhis., 1927–1928). Е.Е. Обермиллер и далее вел исследования в этом направлении (Obermiller, 1932, p. 1–133).

Н.Д. Миронов в эмигрантский период своей научной деятельности также внес определенный вклад в изучение данного круга письменных памятников, опубликовав в “Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum” работу, посвященную «Праджняпарамитахридая-сутре» (Mironov, 1921, p. 73–78).

В современной буддологии достаточно отчетливо выявлена историко-культурная динамика формирования махаянских источников этой группы, начиная с наиболее раннего текста «Аштасахасрика-праджняпарамита-сутра» («Восьмитысячестишие о совершенстве мудрости») и до «Экакшара-сутры» («Односложной»). Расцвет Махаяны совпал по времени с изобретением бумаги, и творцы праджняпарамитских произведений использовали это культурное достижение в полной мере²⁹. Процесс записи осмыслился ими уже не только в качестве способа сохранения текста, функционировавшего в устной передаче путем меморизации, но и для создания новых, изначально письменных, сочинений. Появление «Шатасахасрика-праджняпарамита-сутры» («Сто тысячестишия о совершенстве мудрости») свидетельствовало о тенденции расширения древней «Аштасахасрики» за счет технологической инновации в области письменной традиции.

Но затем последовал культурно-исторический этап смысловой кумуляции «совершенства мудрости» во все более лаконичном виде, что предположительно обуславливалось увеличением численности последователей Махаяны за пределами Индостана и включением практики праджняпарамиты в систему религиозного образования буддистов-мирян. На это указывает зарождение краткой гимнографической формы, в частности появление текста “Navaślaukika-prajñāpāramitā-pindārtha”, содержащегося в манускрипте № 414 по каталогу Н.Д. Миронова. В аннотации к нему ни о происхождении манускрипта, ни о характере материального носителя и степени его сохранности ничего не сообщается.

Аналогичным образом составлены и описания двух других билингов, числящихся под № 415 и 416. Аннотируя манускрипт № 415, Н.Д. Миронов уточнил заглавие текста “[Tantrodbhava-]Pañcatathagatastotra”, введя в квадратных скобках пояснительную конъектуру, и определил произведение как «гимн в честь пяти будд» (Миронов, 1914, с. 324).

Это лаконичное поэтическое сочинение (11 строк) приведено в каталоге полностью. В строке-мангале объектом почитания, отметим, провозглашается «гуру Шакьямуни», т.е. Будда как наставник йогинов-тантриков, что эксплицитно подчеркивает принадлежность гимна к кругу рукописных памятников Ваджраяны.

Последняя билингва гимнографической группы, значащаяся под № 416, также относится к текстам тантрической традиции. Гимн озаглавлен “Mahābodhibhāṭṭārakastotrāṣṭaka”. Рукопись, констатирует Н.Д. Миронов, неполная, отсутствует окончание. Имеющийся текст приведен полностью (Там же, с. 325–326).

²⁹ До изобретения бумаги материалом для записи праджняпарамитских текстов служили пальмовые листья, а самые ранние произведения записывались на бересте.

В настоящее время все три вышеуказанных манускрипта перемещены из состава Индийского фонда в центральноазиатское собрание рукописей и старопечатных изданий, где ныне сконцентрированы санскритско-тибетские билингвы.

Следующая за гимнографией группа сутр состоит из пяти наименований и открывается описанием манускрипта, содержащего текст «Саддхармапундарики» (№ 417)³⁰, так называемой «Лотосовой сутры», величайшего творения буддийской религиозной мысли. В период расцвета Махаяны в Индии “Saddharmapuṇḍarīkasūtra” вошла в число девяти текстов, провозглашающих идеологию этого направления буддизма³¹. Данный свод гомилетических произведений сыграл значительную роль в развитии буддийской культуры Непала, где наряду с местным этносом *невари* буддизм исповедовала многочисленная старинная тибетская диаспора.

«Лотосовая сутра» относится к раннему пласту махаянских текстов. В науке известны пространная и более краткая, полностью версифицированная ее версии. Пространная объемлет цикл проповедей, которые, согласно, религиозному преданию, были провозглашены Буддой Шакьямуни на священной горе Гридхракута и в небе над ней. Возможно, этот текст являлся первой в истории буддизма декларацией кафоличности — учения о всеобщности спасения (о том, что каждое живое существо в трансцендентной перспективе станет буддой, истинно просветленным, чуждым страданию). Выдвинутый в «Лотосовой сутре» тезис о вневременной природе Учителя предвосхитил идеологическую трансформацию образа основоположника буддизма, историческая личность которого постепенно утрачивала свои реальные контуры, приобретая черты метафизического адресата религиозного культа³².

В ходе продвижения буддизма за пределы Индостана «Лотосовая сутра» получила распространение в культурных центрах на территории Великого шелкового пути, проникая в Центральную Азию и на Дальний Восток. Известен лишь один комментарий к ней, созданный в Индии, — «Саддхармапундарикасутра-упадеша», который традиция приписывает Васубандху (IV–V вв.). Наибольшую популярность переводы «Лотосовой сутры» приобрели в Китае и Японии. Оригинальные санскритские версии этого памятника были открыты европейцами в XIX в.³³

Рукопись «Саддхармапундарики», указанная в каталоге Н.Д. Миронова, не была использована в издании, осуществлявшемся в серии “Bibliotheca Buddhica” начиная с 1908 г. Х. Керном и Б. Нандзё³⁴. Стремясь восполнить такой пробел, ученый решил в рамках описания манускрипта показать отличия содержащегося в нем текста от опубликованного в первом выпуске «Лотосовой сутры».

³⁰ В «Кратком каталоге собрания индийских рукописей Института востоковедения РАН», составленном в 1990-х годах, данный манускрипт не значится.

³¹ Свод этих текстов известен как “Navadharmaparyaya”. Он включает следующие сутры: «Аштасахарикапраджняпарамита», «Гандхавьюха», «Дашабхумишвара», «Самадхираджа», «Ланкаватара», «Саддхармапундарики», «Татхагатагухья», «Суварнапрабхашика» и «Лалитавистара».

³² Такая тенденция начала зарождаться уже в древний период развития буддийской мысли, в III в. до н.э., когда возник комплекс идей о внемирской природе Будды — *локоттаравата*. В соответствии с этой доктриной Шакьямуни как историческая личность — явление инструментального порядка, метафизически актуализированное в целях проповеди Истинного учения живым существам. Об истоках данной доктрины см.: Kalupahana, 2011, p. 141.

³³ О культурно-историческом значении «Лотосовой сутры» и истории изучения манускриптов этого произведения см.: Серебряный, 1998.

³⁴ Это издание вышло в свет в пяти выпусках (Bibliotheca Buddhica. X), соответственно датированных 1908, 1909, 1910, 1912 гг., и было снабжено двумя титульными листами — на английском и русском языках, причем в обоих титулах значились имена Х. Керна и Б. Нандзё, основоположника японского буддологического источниковедения. Однако по неведомой причине Н.Д. Мионов упомянул в своем труде только Х. Керна в качестве издателя текста. О Б. Нандзё и проекте издания «Лотосовой сутры» в серии “Bibliotheca Buddhica” см.: Ермакова, 2012, с. 26–35.

Паспортная характеристика рукописи сверхлаконична: «(Библиотека Азиатского департамента) 63×8. 135×3ff. 5–6 ll. Шрифтом ланджа» (Там же, с. 326). В аннотации Н.Д. Миронов отметил, что манускрипт был вывезен из Пекина, и датировал время выполнения списка предположительно — XIX в. Порядок записи текста охарактеризован следующим образом: «Строка во всю длину листа, прерывается двумя пробелами по всю ширину его, так что на первый взгляд кажется, будто рукопись писана в три столбца» (Там же). Ученый указал на близость шрифта к непальским образцам XI в., в частности к рукописи «Лотосовой сутры», отложившейся в древлехранилище библиотеки Кембриджского университета. Отмечено также наличие на первом листе расширенного санскритского заглавия текста, написанного ланджой, а затем — тибетским шрифтом, «ниже курсивом тоже по-тибетски» (Там же).

В графике деванагари приведены три начальные строки сутры, а далее следуют указания текстуальных отличий первой главы³⁵, содержащейся в аннотируемом манускрипте, от опубликованной в серии “*Bibliotheca Buddhica*” (Там же, с. 326–329). Далее приведен текст колофона³⁶. Аннотация заканчивается ссылкой: «Ср. С.Ф. Ольденбург, ЗВОИРАО³⁷, IV, стр. 386», адресующей пользователя каталога к статье С.Ф. Ольденбурга «Непальские рукописи в петербургских библиотеках» (Ольденбург, 1890).

Следует сказать, что в эмигрантский период своей научной деятельности Н.Д. Миронов провел серьезную работу по разбору и палеографическому анализу тех фрагментов рукописей «Лотосовой сутры», которые были добыты в 1902–1914 гг. японским исследователем Кодзуи Отани (1876–1948), совершившим три экспедиции в Восточный Туркестан. Итоги этого труда нашли отражение в публикации под названием “*Buddhist Miscellanea*”, которая вышла в свет в авторитетнейшем востоковедном периодическом издании “*Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*” (Mironov, 1921). В 1953 г. в серии “*Bibliotheca Indica*” (Калькутта) было опубликовано подготовленное Н. Даттом новое издание «Лотосовой сутры», учитывающее проделанный Н.Д. Мироновым труд, — “*Saddharmapuṇḍarīkasūtra, with N.D. Mironov’s Readings from Central Asia Manuscripts*” (Sps).

³⁵ В первой, вводной главе памятника повествуется о том, как Будда Шакьямуни, проповедуя собравшимся некую сутру, внезапно погрузился в состояние глубокого сосредоточения. Из завитка волос между его бровями внезапно излился свет, озаривший миры. Пораженный этим чудесным явлением бодхисаттва Майтрея, мессия грядущей буддийской эры, просит мудрейшего бодхисаттву Манджушри, знатока деяний прежних будд, объяснить смысл происходящего. В ответ Манджушри рассказывает историю о Чандра-сурьяпрадипе — будде прошлых времен, обладавшем сиянием солнца и луны, и сообщает о намерении Шакьямуни возвестить сутру, называющуюся «Саддхармапундарика». В санскритском тексте памятника сутра, изложенная Буддой до погружения в сосредоточение, именуется “*Mahānirdeśa*” («Великое наставление»). Но в V в. среди китайских последователей Махаяны сложилось мнение, что под «Великим наставлением» подразумевается «Сутра о бесчисленных значениях» (*кит.* «У-лян и цзин»), основная идея которой состоит в постулировании словесной вариативности проповеди Учения для различных категорий живых существ. Позднее «Сутра о бесчисленных значениях» стала рассматриваться в Китае и Японии как вводная по отношению к «Саддхармапундарике».

³⁶ В библиотеке ИВР РАН хранится дарственный экземпляр каталога Н.Д. Миронова с автографом на титульном листе: «Ф.И. Щербатскому от автора». В нем на с. 329, в правом поле листа, возле текста колофона рукой Ф.И. Щербатского сделана пометка фиолетовыми чернилами: «не полностью».

³⁷ «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества» — первое отечественное востоковедное периодическое издание, учрежденное в 1876 г. по инициативе выдающегося ученого-арабиста В.Р. Розена (1849–1908). В каждом номере наряду с научными статьями и рецензиями публиковались тексты письменных памятников и эпиграфические материалы. Обзоры содержания «Записок» давались в ведущих западноевропейских журналах по ориенталистике. Подробнее см.: Тольц, 2013, с. 23–34. В большинстве библиографических описаний издание указывается в аббревиатуре ЗВОРАО.

Под № 418 числится рукопись санскритского текста «Саддхармаланкаватара-сутры». В паспортном описании указаны ее формат «36½×8»³⁸, объем — 167 л., непальское письмо и дата выполнения — 1852 г. Аннотация начинается цитированием размещенной на первом листе дарственной надписи, свидетельствующей, что манускрипт был подарен Императорской Академии наук Райтом³⁹ в августе 1873 г. Далее, после ремарки “10 adhyāya” (т.е. 10 поучений), цитируются в графике деванагари пять вступительных строк текста, даются начальные слова каждого подраздела («поучения») и указания номера листа его окончания, затем следует колофон. Аннотация завершается ссылкой: «Ср. С.Ф. Ольденбург, *op. cit.*, стр. 385; Bendall, Cambridge, pp. 20, 136» (Миронов, 1914, с. 330).

Будучи, как и «Лотосовая сутра», включенной в состав свода “Navadharmaparyaya” (см. примеч. 31), “Saddharmalaṅkāvatāra-sūtra”, или “Laṅkāvatāra-sūtra”, имела особое значение для развития махаянской философской школы *йогачара* (*виджнянавада*) и была переведена на китайский и тибетский языки. Памятник содержит проповеди, которые, согласно религиозному преданию, были преподаны Буддой Шакьямуни архатам (подвижникам, пребывающим в прижизненной нирване), бодхисаттвам и богам-небожителям на сакральной горе Ланка (Малая)⁴⁰ во дворце царя демонов-ракшасов Раваны. Текст сутры складывался на протяжении длительного периода — со II по V в. Произведение приобрело особую популярность в Непале, Тибете, Китае и Японии.

Отложившийся в индийском собрании Азиатского музея рукописный памятник содержит редакцию текста, оформившуюся не ранее второй половины V в. Об этом свидетельствует его состав: главы 1–9 изложены в основном прозой, а 10-я (л. 122–167) — в стихотворной форме. В китайском переводе сутры, выполненном в 443 г. индийским миссионером Гунабхадрой (394–468), эта стихотворная глава отсутствует, что предположительно свидетельствует о более позднем времени ее создания и включения в состав произведения.

Важно отметить, что в «Ланкаватаре» излагается учение о *татхагата-гарбхе* — едином для всех живых существ «лоне Татхагаты» (подробнее см.: Grosnick, 2004, p. 826–828). Ф.И. Щербатской в монографии «Концепция буддийской нирваны»⁴¹ отнес «Ланкаватара-сутру» к числу тех доктринальных текстов, которые послужили источниками махаянского учения о сознании, развивавшегося школой *йогачара*, и были «написаны в подражание упанишадам, в стиле, весьма далеком от точности» (Щербатской, 1988, с. 230). Ссылаясь на издание текста, подготовленное Б. Нандзе⁴², он отмечал, что в сутре приведено более 20 определений нирваны. Первое из них сближено с хинаянской интерпретацией, а последнее «схоже с мнением йогачаров», но все они отвергаются авторами текста на основании неопределимости нирваны —

³⁸ Позднее формат рукописи был уточнен: 33,5×7,5. См.: Кк, с. 118, № 592.

³⁹ В автографе надписи значится: “W-m Wright”. Уильям Райт — профессор Кембриджского университета, занимался исследованием сирийских рукописей, в 1876 г. был избран членом-корреспондентом Российской Императорской Академии наук.

⁴⁰ Буддийская космология ассимилировала божественных персонажей древнеиндийской мифологии: в качестве смертных небожителей они разместились в космографической картине на террасах горы Сумеру, маркирующей центр континента Джамбу. Гора Ланка, упоминаемая в сутре, идентифицируется с горой, расположенной на юго-востоке Шри-Ланки (о. Цейлон) и известной ныне как пик Адама. Название сутры — «Нисхождение на Ланку Истинного учения» — свидетельствует о попытках распространения Махаяны на Цейлоне, где издавна утвердилась *тхеравада*, школа хинаянского направления, опиравшаяся на тексты Типитаки (Палийского канона).

⁴¹ Монография, написанная на английском языке, была опубликована в 1927 г. В переводе Б.В. Семичова и А.Н. Зелинского она вошла в издание избранных трудов Ф.И. Щербатского по буддизму (1988).

⁴² Издание вышло в свет в 1923 г. в Киото.

тезиса, выдвинутого другой махаянской школой — *мадхьямакой*. Большинство этих определений, констатировал Ф.И. Щербатской, никогда и никем не провозглашались, «а те, которые существовали, сформулированы так, что их трудно узнать». Имея в виду этот ложный историко-философский аспект «Ланкаватары», академик назвал ее «фантастическим литературным произведением» (Там же).

Под № 419 в каталоге Н.Д. Миронова значится список сутры «Лалитавистара», выполненный в латинской транслитерации Р.Х. Ленцем (1808–1836) с непальской рукописи в период его зарубежной научной командировки⁴³. Текст озаглавлен “*Lalita-Vistara-Purāṇa*”. Н.Д. Миронов отметил отсутствие в списке каких-либо указаний на оригинал манускрипта, но по колофону заключил, что он был сделан с рукописи, воспроизведенной в 1804 г. В начале 1950-х годов, знакомясь со списком Р.Х. Ленца, В.С. Воробьев-Десятовский определил «Лалитавистару» как «произведение, написанное на санскрите, содержащем много пракритских форм», проникнутое идеями Махаяны в изложении жизни Будды и положений его учения (Кк, с. 14).

Группа сутр завершается в каталоге Н.Д. Миронова аннотированием трех текстов (№ 420–422), содержащихся в одном манускрипте — ценнейшем раритете, переданном от Далай-ламы XIII в дар С.Ф. Ольденбургу. В 1903 г. академик направил эту рукопись в индийское собрание Азиатского музея. Формат манускрипта — 56×8,5 — указан Н.Д. Мироновым точно. Ученый отметил сильную поврежденность левого края рукописи, указав, что она выполнена на плотной непальской бумаге «непальским шрифтом» (т.е. письмом невари). Отмечен и характер записи: «Все ff. (листы. — *E.O.*) разделены на 3 столбца, однако строка сплошная» (Миронов, 1914, с. 330).

Под № 420 ученый обозначил сутру (объемом 3 л.), в которой излагается беседа Будды с бодхисаттвой Авикальпаправешей, компетентным в преодолении заблуждений относительно природы реальности. Собеседники рассуждают о свободном от мысленных конструкций познания — внесловесном постижении объекта в первый момент его восприятия. Заглавие сутры осталось неизвестным, поскольку ее начало фрагментировано, а колофон не вписан, хотя место для него предусмотрено и маркировано проставленной *daṇḍa* (вертикальной чертой). Н.Д. Миронов привел в графике деванагари три начальные и пять завершающих строк текста. В описании он подчеркнул близость шрифта к манускриптам XII в., имеющимся в Кембриджской библиотеке, но уточнил, что данная рукопись, выполненная на бумаге, а не на пальмовых листьях, создавалась в более поздний исторический период.

Далее, под № 421, дается описание фрагмента (объемом 12 л.) другой сутры, название которой также не установлено. В нем речь идет о религиозной дисциплине (*saṃvara*), в связи с чем обсуждаются качества монаха и монахини и на л. 14 упоминается *пратимокша* — каноническое учение о статусах членов общины, соответствующих нравственных обетах и правилах поведения. В графике деванагари ученый привел четыре начальные и три завершающие строки фрагмента.

Третий текст, содержащийся в этой рукописи, Н.Д. Миронов обозначил № 422, определив его как окончание “*Buddhāvataṃsaka*”, известнейшей махаянской сутры; ученый привел этот небольшой фрагмент (1 л.) полностью, выделив колофон.

Группа шаштр, следующая за сутрами, начинается с аннотирования под № 424 оригинального трактата одного из выдающихся махаянских мыслителей — Камалашилы (VIII в.) «Бхаванакрама» («Последовательность [практики] созерцания»). Этот текст, как и три указанные выше сутры, содержится в рукописи, подаренной Далай-ламой XIII. В нем лаконично изложены три руководства, определяющие этапы практи-

⁴³ Очерк научной деятельности Р.Х. Ленца см.: Зограф, 1960.

ки созерцания согласно учению школы *мадхьямака*, а также подвергнуты критике некоторые праксеологические положения *йогачары* и учение о моментальном просветлении, утвердившееся в китайском *чань*-буддизме. Подчеркнем, что в мировой науке наряду с данным манускриптом известны еще только две рукописи, содержащие санскритский оригинал «Бхаванаграммы».

Камалашила, ученик Шантаракшиты, одного из крупнейших представителей мыслительной традиции Махаяны, вместе со своим учителем выступал за преодоление теоретических разногласий между школами *йогачара* и *мадхьямака*, размывавших идейную целостность мировоззрения Махаяны. Оба они как миссионеры сыграли чрезвычайно значительную роль в продвижении буддизма в Тибет.

Критика воззрений китайской школы *чань*, прослеживающаяся в «Бхаванаграмме», восходит к диспуту в первом тибетском буддийском монастыре Самье, состоявшемуся (по данным разных источников) между 792 и 797 гг. В этом споре Камалашила победил китайского миссионера Хэшаня Мохэяня, проповедовавшего идею внезапного просветления, и тем самым утвердил в Тибете приоритет учения, пришедшего из Индии. Китайский миссионер полагал необходимым и достаточным условием просветления полный отказ от мыслительной активности. Но Камалашила доказал, что просветлению предшествуют этапы последовательного развития мудрости и всей совокупности буддийских добродетелей.

Н.Д. Миронов не только привел в графике деванагари начало и окончание текста, но и определил 19 произведений, цитируемых в трактате, указав ссылки на соответствующие листы в рукописи (Там же, с. 333).

Под № 424 очень бегло характеризуется «копия рукописи “Deccan College Library”, сделанная в 1911 г. по заказу серии “Bibliotheca Buddhica” для Азиатского музея». В описании перечисляются названия произведений по науке логики, содержащиеся в данной копии: отрывок из «Таркасанграхапхаккики», приписываемой Дигнаге (V–VI вв.), «Ньяядипика», «Ньяяправешатика» Харибхадры.

Далее, под № 425, дается весьма подробное описание манускрипта, содержащего циклопический по объему (1524 л.) комментаторский трактат Камалашилы «Таттвасанграхапанджика». В аннотации ученый отмечает: «Комментарий на *Tattvasaṃgraha Śantarakṣita*, обширный философский трактат, критический обзор важнейших идей, своего рода „введение в философию“ с буддийской точки зрения» (Там же, с. 334). Сообщается и о происхождении манускрипта, являющегося списком с рукописи из библиотеки джайнского храма Паршванатха (Джессальмер, Индия). Список был изготовлен по заказу Императорской Академии наук и поступил в Азиатский музей в 1912 г.

Аннотация содержит сведения об обнаружении санскритского оригинала памятника, об истории изучения «Таттвасанграхи», комментируемой Камалашилой, и ряд интересных санскритских цитат. Указано и распределение глав текста в аннотируемой рукописи. Н.Д. Миронов предположительно отнес время изготовления списка к 1908 г.

Последним в группе шастр под № 426 числится манускрипт произведения, не являющегося по своему происхождению буддийским, — «Дхармоттаратиппанака» (“*Dharmottaraṭīpanaka*”). Его автор, Маллавадин, принадлежал к джайнской традиции. Но Н.Д. Миронов включил эту рукопись в буддийский раздел своего каталога на том основании, что трактат посвящен изложению и анализу концепций, разработанных Дхармоттарой (VIII в.), ярким представителем махаянской ветви науки логики.

Последнюю группу в разделе “*Bauddha*” образуют краткие описания четырех манускриптов, содержащих тексты «Махавьютпатти»⁴⁴ (№ 427–430). Отметим, что работа по составлению этого лексикона завершилась в Индии в период раннего средне-

⁴⁴ В индологической литературе “*Mahāvīyutpattī*” обычно интерпретируется как «Великая этимология».

вековья. В VIII в. он был переведен с санскрита на китайский язык, а в начале IX в. к переводу «Махавьютпатти» на тибетский язык приступила коллегия переводчиков-тибетцев во главе с индийским ученым Джинамитрой. Позднее появился и монгольский перевод⁴⁵.

В описаниях Н.Д. Миронова особый интерес вызывают цитаты вводной строки и колофона каждой рукописи. Манускрипт № 427 содержит санскритский и тибетский тексты, выполненные тибетским письмом. Аналогичным образом выполнена и рукопись № 428. В рукописи, значащейся под № 429, санскритский текст воспроизведен дважды — сначала письмом ланджа, а затем тибетским.

Аннотируя манускрипт № 430, Н.Д. Миронов процитировал надпись на приложенном к нему листе: «Санскритско-тибетский словарь буддийских терминов, расположенных по предметам. (Санскритские слова в сем экземпляре писаны тибетскими буквами)» (Там же, с. 339). Ученый отметил, что рукописи № 427, 429, 430 поступили в Азиатский музей из Библиотеки Азиатского департамента.

Таким образом, благодаря работе, проделанной Н.Д. Мироновым, санскритские рукописные памятники буддизма, поступившие в индийское собрание Азиатского музея до 1913 г., были впервые систематизированы в качестве единой коллекции, экспонирующей важнейшие жанры литературы махаянского направления — гимнографию, сутры, шастры, а также различные списки терминологического словаря «Махавьютпатти». Состав этой коллекции свидетельствовал о давнем интересе отечественных ученых к северной ветви буддизма, укоренившейся в сопредельных России странах — Монголии, Китае, Японии — и в среде бурят и калмыков. И именно российской буддологической школе предстояло доказать в первой трети XX в. глубинную связь живой буддийской традиции народов Азиатско-Тихоокеанского региона с письменным наследием и интеллектуальными достижениями древней и ранне-средневековой Индии.

Список сокращений

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.

Кк — *Посова Т.К., Чижикова К.Л.* Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Abhis. — *Abhisamyālamkara prajñāpāramitā upadeśaśāstra. The Work of Bodhisattva Maitreya /* Публ., коммент. и пер. Е. Обермиллера и Ф. Щербатского. Л., 1927 (*Bibliotheca Buddhica*. XXIII, fasc. 1).

Sps — *Saddharmapuṇḍarikasūtra, with N.D. Mironov's Readings from Central Asian Manuscripts, Revised by Nalinakṣa Datt.* Calcutta, 1953 (*Bibliotheca Indica*).

Список литературы

Аннамбхатта. Таркасанграха (Свод умозрений) и Таркадипика (Разъяснение к Своду умозрений) / Пер. с санскр., введ., коммент. и историко-философское исследование Е.П. Островской. М., 1989.

Бертельс Д.Е. Введение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 5–80.

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

⁴⁵ В 1981 г. на базе Международной академии индийской культуры (Нью-Дели) было опубликовано подготовленное Локешем Чандрой издание “*Kuadrilingual Mahāvūtpattī*”, объединившее в своем составе санскритский, тибетский, китайский и монгольский тексты словаря.

- Ермакова Т.В. Японские ученые — участники научно-издательских проектов Санкт-Петербургской буддологической школы // Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Труды участников научной конференции. СПб., 2012. С. 20–44.
- Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004.
- Зограф Г.А. Роберт Христианович Ленц (1808–1836) // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 279. Серия востоковедных наук. 1960. Вып. 9. С. 31–38.
- Минаев И.П. Буддизм. Исследования и материалы. СПб., 1887.
- Миронов Н.Д. Из рукописных материалов экспедиции М.М. Березовского в Кучу // Известия Императорской Российской академии наук. Серия VI. Т. III (1909). С. 547–562.
- Миронов Н.Д. Каталог индийских рукописей. Вып. 1. Пг., 1914 (Каталоги Азиатского музея Императорской Академии наук).
- Миронов Н.Д. Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки. Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Вып. I. Пг., 1918.
- Ольденбург С.Ф. Непальские рукописи в петербургских библиотеках // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1890. Т. IV (1889). С. 383–386.
- Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки / Сост. А.А. Вигасин; отв. ред. С.Д. Серебряный. М., 2012.
- Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999.
- Серебряный С.Д. Лотосовая сутра: многообразный мир, который мы только начинаем для себя открывать // Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Пер. с кит. А.Н. Игнатовича. М., 1998.
- Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период / Пер. с англ. Веры Тольц. М., 2013.
- Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
- Grosnick W.H. Tathāgatagarbha // Encyclopedia of Buddhism / Editor in Chief R.E. Buswell. N. Y., 2004. P. 826–828.
- Kalupahana D.J. A History of Buddhist Philosophy. Continuities and Discontinuities. Delhi, 2011.
- The Laṅkāvatārasūtra / Ed. by D. Nanjio. Kyoto, 1923.
- Mironov N.D. Buddhist Miscellanea. 1. Avalokiteśvara, Kuan-yin. 2. Central Asian Recensions of the Saddharmapuṇḍarīka // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1927. P. 241–279.
- Mironov N.D. The Prajñāpāramitāhṛdayasūtra as an Inscription // Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum. Naggar, Kulu. 1921. No. 24. P. 73–78.
- Obermiller E. The Doctrine of Prajñā-Pāramitā as Exposed in the Abhisamayālaṅkāra of Maitreya // Acta Orientalia. Leiden–Batavia, 1932. Col. 11, par. 1. P. 1–133.

Summary

E.P. Ostrovskaaya

N.D. Mironov's Contribution to the Description of the Buddhist Manuscripts at the Indian Collection of Asiatic Museum, IOM, RAS

Two first decades of the 20th century in the history of Indian collection of Asiatic Museum, IOM, RAS were connected with the name of Nikolay Dmitrievich Mironov (1880–1936) who worked in these years with this collection containing numerous manuscripts written in many languages and in many scripts. The topic of the article is his approaches to the problem of description of these documents and the results of his work. Buddhist manuscripts in Sanskrit housed in this collection before 1913 were first systematized by N.D. Mironov as a whole set demonstrating fundamental genres of Mahāyāna written heritage — *hymns*, *sūtras* (homiletic texts), *śāstras* (treatises) and different variants of the terminological dictionary *Mahāvvyutpatti*.